

Сломанные мысли

Оксана Насонова

18+

Оксана Насонова

Сломанные мысли

<https://litres.ru/73513967>

SelfPub; 2026

Аннотация

В закрытом комплексе АО «Заслон» люди живут по строгим правилам: их действия контролируются, воспоминания стираются, а воля подавляется. Каждый день — это монотонная рутина, где эмоции считаются отклонением, а память — угрозой стабильности системы. Ярослав — один из испытуемых, чья жизнь сводится к фиксации «отклонений» на экранах и принятию таблеток, подавляющих сознание. Но однажды он начинает замечать сбои в работе сканирующих шаров, странные реакции браслетов, намёки тех, кто, кажется, тоже начал просыпаться. Вместе с другими пробудившимися Ярослав разрабатывает план сопротивления. Это история о силе человеческого духа, о ценности памяти и свободы, о том, как страх можно превратить в решимость, а одиночество — в единство. О том, что даже в самой совершенной системе есть трещины — и достаточно искры, чтобы разжечь пламя сопротивления.

Содержание

Трус или герой	4
Мир в огне	17
Пробуждение в неизвестности	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Оксана Насонова

Сломанные мысли

Трус или герой

— Я не знаю наступит ли завтра. Мир уже не станет прежним. Печально видеть всё это безумие! Встану ли я с постели, буду ли жив? Одно я знаю точно: мне нужно что-то предпринять. Я должен спасти себя и других испытуемых от этих тварей. Смогу ли я?

— Эти объекты истребили нашу землю. Они внезапно напали и поглотили всё живое. Они управляют нашими умами, нашей жизнью, нашим телом. Мы ничего не можем сделать. Моя судьба давно потеряна, мои мысли сломаны. Но я должен найти выход.

Ярослав сидел у окна, глядя на пляшущие фонари от сканирующих шаров. Искры взлетали в воздух и гасли во тьме, словно обрывки его воспоминаний — тех, что ещё остались. Вокруг царила искусственная ночная тишина: где-то вдалеке перекликался гул работающих систем. Но внутри него бушевала буря — буря мыслей, вопросов, противоречий.

Он глубоко вдохнул, потёр ладони, будто пытаясь согреть не тело, а душу, и тихо, почти шёпотом, начал говорить — скорее с самим собой, чем вслух:

— До АО «Заслон» ... До всего этого я был другим. Непутёвым, беспринципным. Жил одним днём, думал только о себе, искал лёгких путей. Обманывал, если было выгодно. Избегал ответственности. Считал, что правила — для других, а мне можно чуть больше. Я не был злодеем, нет... Но и не был тем, кем стал сейчас.

— Потом был комплекс. Опыты. Стирание памяти, подавление мыслей... Они хотели сломать меня. И, в каком-то смысле, им это удалось. Я «сломался». Но не так, как они планировали. Вместо покорной марионетки... я стал другим. Будто всё пустое, эгоистичное — отслоилось, осыпалось, как старая кора. А под ней оказалось, что-то настоящее. Что-то, что я, возможно, всегда носил в себе, но не замечал.

Ярослав сжал кулаки, чувствуя, как внутри поднимается волна противоречивых чувств — благодарности и гнева, боли и надежды.

— АО «Заслон» сломало меня — да. Но, парадоксально, оно же и возродило. Из непутёвого человека я превратился в того, кто хочет справедливости. Кто готов бороться не за себя одного, а за всех. Кто понимает цену свободы, потому что потерял её, а потом — чудом — начал возвращать.

Он резко выдохнул, будто сбрасывая с плеч невидимую тяжесть.

— Но это только моя история. Моя странная трансформация. У других всё иначе. Другие перенесли столько боли, сколько я и представить не мог. Кто-то сломался по-настоя-

щему — без возрождения. Кто-то потерял близких. Кто-то до сих пор там, внутри, в руках этих... учёных, палачей, называй как хочешь. И я не имею права забывать ни о том, кем был, ни о том, кем стал.

— Я должен помнить. Помнить свою слабость, чтобы не повторить ошибок прошлого. Помнить боль, чтобы понимать тех, кто страдает. Помнить страх, чтобы преодолеть его. И идти вперёд. К освобождению. Ради мести. Ради справедливости. Ради тех, кто не смог вырваться. Ради тех, кого ещё можно спасти.

— Я больше не тот, кем был. Но я и не новый человек с чистого листа. Я — это и прошлое, и настоящее. И я выбираю путь борьбы. Выбираю путь освобождения. Пусть будет страшно. Пусть будет трудно. Но я пойду. И поведу за собой других. Потому что теперь я знаю: свобода — это не отсутствие цепей. Свобода — это когда ты решаешь, как жить. И когда ты берёшь на себя ответственность за тех, кто рядом.

Ярослав поднял голову к потолку, вдохнул полной грудью фальшивый воздух и твёрдо произнёс:

— Я идудо конца. И не остановлюсь.

— Для меня важно сделать хоть что-то полезное. Ведь я всегда был идиотом: поступал так, как считал нужным и, в то же время, постоянно всем делал больно. А теперь, когда моя жизнь практически исчезла, я должен понять, к чему мне нужно идти, к чему стремиться.

— Не хотелось бы, чтобы наши дети жили в такой атмо-

сфере, чтобы они просто существовали. Ведь хочется мирного неба, счастья в каждой семье, взаимной любви и уважения. Я в прошлом не слышал никого, не замечал, что моя жизнь сломана и теперь я должен это всё исправить.

— Но самое главное, что мне страшно. На самом деле, мне невыносимо страшно. Я хочу жить, как раньше, как жили все мы до этого ужасного времени. Я хочу воспитывать детей, хочу любить и работать, хочу заниматься тем, что требует душа.

— Мне страшно. По-настоящему страшно — так, что иногда по ночам я лежу с закрытыми глазами и чувствую, как сердце бьётся слишком часто, слишком громко. Боюсь, что система доберётся до меня, сотрёт последние воспоминания, превратит в послушную тень, как многих других. Боюсь боли, которую они могут причинить. Боюсь не успеть — не успеть помочь Марине найти детей, не успеть вернуть Михаилу его смех, не успеть напомнить Анне, что она умеет жить.

— Я боюсь, потому что понимаю: я не всесилен. Я один против огромной, отлаженной машины, которая годами стирала в людях всё человеческое. У неё есть шары, браслеты, операторы, протоколы, таблетки — целая система подавления. А у меня... что у меня? Пара догадок, решимость — и страх.

Но именно поэтому я должен идти дальше.

— Потому что если не я, то кто? Если не сейчас, то когда? Если мы все будем бояться и молчать, система победит. Она

уже почти победила — посмотри вокруг: люди ходят, едят, выполняют команды, но не живут. Их мысли сломаны, память стёрта, воля подавлена. Они больше не задают вопросов. Они даже не помнят, что когда-то умели их задавать.

— Моя цель проста и ясна: уничтожить эти сломанные мысли. Не просто сбежать самому — это было бы слишком легко. Нет. Я хочу сломать сам механизм, который ломает людей. Хочу вернуть им память, волю, страх и надежду — всё то, что делает нас людьми.

— Да, я боюсь. Боюсь, что меня поймают. Боюсь, что не справлюсь. Боюсь подвести тех, кто уже начал просыпаться. Но этот страх... он не парализует меня. Он будит меня. Каждое утро, когда я вижу бледные лица вокруг, когда слышу монотонный голос оператора, когда браслет мерцает зелёным — я вспоминаю: это не норма. Это клетка. И я не хочу в ней жить.

— Я буду искать уязвимости — в системе, в браслетах, в протоколах. Буду осторожно протягивать руку тем, кто тоже начал видеть трещины в этой идеальной картине. Буду запоминать время сбоев, траектории шаров, реакции операторов. Буду учиться обманывать датчики, прятать эмоции, маскировать мысли — и при этом оставаться собой.

— Система считает, что мы данные на экране, послушные объекты. Но она ошибается. Мы люди. У нас есть память. У нас есть воля. У нас есть страх — и именно он показывает, что мы ещё живы. А если мы живы, значит, мы можем бо-

роться.

— Я не знаю, получится ли у меня. Возможно, меня оставят. Возможно, я не дойду до конца. Но даже если я проиграю, пусть мой пример покажет другим: можно сопротивляться. Можно помнить. Можно хотеть большего, чем зелёное мерцание браслета и безвкусную еду.

— И если хотя бы один человек после меня сделает шаг вперёд, если хотя бы одна искра памяти разгорится в ком-то ещё — значит, я не зря боялся. Не зря шёл. Не зря боролся.

— Так что да, мне страшно. Но я продолжу. Потому что единственный способ победить систему — это перестать её бояться. И начать действовать. Шаг за шагом. День за днём. Пока сломанные мысли не станут целыми. Пока люди не вспомнят, кто они. Пока мир в АО «Заслон» не изменится.

— Думаю, я в своей прошлой жизни многое упустил. Хочу, чтобы люди снова жили как раньше, и я тоже, только с другим мышлением. Чтобы все испытываемые могли вспомнить всех тех, кто когда-то был рядом. Мы всех потеряли. Но я всё-таки вспоминаю некоторые моменты. Большинство людей были лучше, чем я.

— Они жили, любили, растили и воспитывали детей, совершили какие-то ошибки, могли как-то оступиться, но всё же — жизнь продолжалась. Я могу сказать лишь одно: горжусь своими дедушками и бабушками, что из поколения в поколение передавали свой опыт и знания. Горжусь героями, которые пожертвовали своей жизнью, чтобы защитить мирных

людей.

— На самом деле, важно принять верное решение, и понять- трус ли ты, или герой! Мне кажется, в той прошлой жизни я бы никогда бы не поступил правильно, а наоборот, сделал бы всё возможное, чтобы меня считали подлым человеком. Но сейчас, когда сломаны многие судьбы и нет свободы в мыслях, нужно что-то поменять.

— Я знаю, если в ближайшее время не выйду за пределы границы, то больше этого никто не сделает. Вся надежда на меня. Я могу быть лучше. Может быть, я не такой плохой человек, но как трудно решиться на неизвестность. Последние ночи дают мне возможность всё переосмыслить, понять всю свою жизнь.

— Недавно мне приснился сон, что Марина снова спит в моей комнате. Она такая красивая и нежная. Я счастлив, что встретил её. Интересно, где она сейчас? Только ради неё я готов рискнуть всем. Что у меня есть. Она лучшее, что могло со мной произойти. Правда, она об этом не знает. Парадокс: рядом с ней мне хотелось быть хорошим человеком. Но как жаль, что я не её мужчина и не отец её детей. Надеюсь, мы ещё встретимся.

— Я хочу уберечь Марину, чтобы она снова жила той прежней жизнью, чтобы обрела своё счастье и нашла детей. Мы все вместе должны наконец-то выгнать этих роботизированных недолюдишек, чтобы их никогда больше не было на нашей земле. Они не имеют право нами управлять. Мы

должны жить своим умом и сердцем.

— Я закрываю глаза и представляю... нет, не побег — это было бы слишком просто. Я представляю, что будет, если мы победим. Если мы сломаем систему АО «Заслон» не снаружи, а изнутри. Если вернём людям то, что у них отняли.

— Первое, что я вижу, — это лица. Настоящие лица. Без этой мёртвой пустоты в глазах, без отрешённости. Я вижу, как Марина улыбается — по-настоящему, а не так, когда пыталась вспомнить, что такое радость. В её глазах больше нет страха, нет отчаяния. Она знает, где её дети, и скоро она их обнимет.

— Михаил. Я представляю его смех — тот самый, заразительный, который, когда-то заставлял смеяться весь класс. Он сидит с нами, рассказывает какую-то нелепую историю и хохочет, откинув голову назад. И все вокруг тоже смеются — не потому, что так надо, а потому, что им весело.

— Анна. Она смотрит на меня — не настороженно, не пытаясь понять, можно ли доверять, а просто... спокойно. С лёгкой улыбкой. В её взгляде больше нет этой внутренней борьбы — только ясность и тепло. Она помнит всё: кто она, что любит, чего хочет.

— Я открываю глаза и снова вижу стены комнаты — серые, гладкие, безликие. Но теперь они кажутся мне не такими уж прочными. Потому что я знаю: за ними — люди. Много людей. И если хотя бы половина из них проснётся, если хотя бы каждый десятый вспомнит, кто он...

— Что будет дальше?

— Сначала — тишина. Не та, что сейчас: гнетущая, мёртвая, наполненная гулом системы. А другая — живая. Тишина после бури, когда можно наконец выдохнуть и прислушаться к себе. К биению сердца, к дыханию, к мыслям, которые больше не нужно прятать.

— Потом — разговоры. Шёпот сначала, потом — голоса. Люди будут спрашивать друг у друга: «Ты помнишь?», «А ты тоже это видел?», «Как тебя звали до этого места?». Они будут делиться воспоминаниями, как драгоценностями. Кто-то заплачет — не от боли, а от облегчения. Кто-то рассмеётся. Кто-то просто замрёт, пытаясь осознать: «Я — это я., и я свободен».

— Таблетки исчезнут. Их перестанут раздавать. Или, может, кто-то возьмёт одну в руку, посмотрит на неё и бросит на пол — со злостью, с вызовом. И наступит момент, когда никто больше не станет их принимать. Потому что люди поймут: сила — не в подавителях, а в ясном уме.

— Шары... Они всё ещё будут летать над комплексом. Но уже не как надзиратели, а как... инструменты. Может быть, их перенастроят, чтобы они помогали, а не следили. Или просто отключат — и люди наконец почувствуют, что над ними не висит всевидящее око.

— Браслеты... Сначала их будут носить — по привычке, по инерции. Но потом кто-то снимет свой первым. Просто возьмёт и расстегнёт. И посмотрит на него — маленький,

гладкий, холодный. Символ контроля. А потом бросит в сторону. И другие последуют за ним. Один за другим.

— Мы начнём восстанавливать связи. Найдём тех, кого потеряли. Марина найдёт своих детей. Кто-то найдёт родителей, кто-то — друзей, кто-то — любимого человека, которого забыл на месяцы или годы. Мы будем искать, спрашивать, вспоминать. И каждый найденный станет ещё одной победой.

— А потом... потом мы начнём строить. Не новый режим, не другую систему подавления — а сообщество. Где каждый будет знать: его мысли ценны, его память священна, его воля — это то, что делает его человеком. Где будут споры, разногласия, даже ссоры — но всё это будет живым. Потому что только так можно по-настоящему жить.

— Я представляю, как мы выйдем за пределы комплекса. Не сбежим — а выйдем. Открытые двери, свежий воздух, солнце, которое светит не через фильтры системы. Мы посмотрим на мир — и увидим его не глазами послушных объектов, а глазами свободных людей.

— И тогда кто-то скажет: «Что теперь?» А я отвечу: «Теперь — жить. По-настоящему. Каждый день. Каждый час. Каждый миг».

— Да, мне страшно. Да, путь будет трудным. Но я вижу это будущее. Я чувствую его. Оно стоит всех испытаний, всех страхов, всех потерь. Потому что это — не просто свобода. Это возвращение к себе.

— И я сделаю всё, чтобы оно наступило. Не для себя одного. Для всех нас. Для Марины, для Михаила, для Анны, для тех, кого я ещё не знаю, но кто тоже ждёт пробуждения.

— Мы победим. И тогда мир в АО «Заслон» перестанет быть тюрьмой. Он станет домом. Первым шагом к чему-то большему. К жизни, которую мы заслужили.

— Где взять силы? Вот он, главный вопрос. Как сделать этот шаг — не осторожный, не пробный, а решающий? Как перестать дрожать перед неизвестностью, перед последствиями, перед самой смертью, которая, я знаю, может стать платой за свободу?

— Я сижу у окна и смотрю на шары, скользящие в вечернем небе. Они кажутся такими могущественными, всевидящими, неуязвимыми. И страх шепчет мне: «Ты один. Ты слаб. Система сильнее. Отступи».

— Но я закрываю глаза — и вижу другие образы. Не серые стены и безликих операторов, а лица. Лица тех, кто когда-то уже стоял на краю, перед выбором: сдаться или бороться. Тех, кто защищал нашу Родину, кто шёл в бой, зная, что может не вернуться. Они тоже боялись. Наверняка боялись. Но всё равно шли вперёд.

— Откуда они брали силы? Может быть, из любви. К семье, к друзьям, к земле, на которой выросли. Марина боится не за себя — она боится за своих детей. И это даёт ей силы помнить, искать, надеяться. Значит, и мне нужно помнить: я борюсь не за себя одного. Я борюсь за Марину, за Михаила,

за Анну, за всех, кто ещё спит, но может проснуться.

— Или из чувства долга. Не перед системой, не перед приказами, а перед самим собой. Перед своей совестью. Перед памятью о том, кто я есть. Я не просто объект № 47-В. Я Ярослав. Я помню. И я не имею права предать этого человека — себя настоящего.

— А может, из веры. Не в богов, не в чудеса, а в людей. В то, что мы сильнее, чем кажется. Что даже в самой тёмной ночи найдётся тот, кто зажжёт огонь. И если я сделаю первый шаг, кто-то сделает второй. А потом третий. И вот уже не один, а двое, трое, десятеро идут рядом. Мы перестаём быть одиночками — мы становимся сопротивлением.

— Я вспоминаю седовласого мужчину, который кричал перед всеми: «Перестаньте пить таблетки!» Он знал, что его накажут. Но он всё равно сказал это. И в тот момент он был свободен. Даже если его память снова стёрли, даже если он сейчас ходит с пустым взглядом — в какой-то миг он победил. Потому что не промолчал.

— И я понимаю: сила — не в отсутствии страха. Сила — в том, чтобы действовать несмотря на страх. Чтобы смотреть в лицо неизвестности и говорить: «Я иду вперёд».

— На кого ориентироваться? Не на идеальных героев из легенд. А на тех, кто был настоящим. На солдата, который поднимался в атаку, хотя ноги подкашивались от ужаса. На партизана, который шёл в тыл врага, зная, что шансы малы. На врача, который оставался в заражённом городе, потому

что люди нуждались в нём. Они не были сверхлюдьми. Они были обычными людьми — такими же, как я. И они находили в себе силы, потому что за их спиной были те, кто верил в них. Потому что они знали: отступить — значит предать.

— Значит, и я найду. Если они смогли — смогу и я. Если они не сломались под грузом ответственности — не сломясь и я. А если я смогу — смогут и другие. Марина сможет. Михаил сможет. Анна сможет. Каждый, кто хоть раз поймал себя на мысли: «Что-то здесь не так», — сможет.

— Мы не одни. Нас много. И пока мы помним, пока мы чувствуем, пока мы боимся — но всё равно идём вперёд, — мы победим. Страх не исчезнет. Он будет со мной, как и прежде. Но теперь я знаю: он не враг. Он предупреждение. Он говорит: «Осторожно. Будь бдительным». Но он не должен диктовать мне, что делать.

— Я открою дверь. Выйду в коридор. Посмотрю в глаза системе — и скажу: «Хватит». И если рядом со мной будет хотя бы один человек, который тоже готов сделать шаг, — мы пойдём вместе. А за нами пойдут другие.

— Потому что свобода — это не подарок. Это выбор. Выбор каждый день, каждый час, каждую секунду. И я выбираю бороться. Я боюсь. Но я иду вперёд. И я верю: если я найду в себе силы сделать первый шаг — другие найдут силы сделать второй. Вместе мы станем сильнее системы. Вместе мы победим.

Мир в огне

Ярослав резко распахнул глаза — пронзительный вой сирены ворвался в сон, разрывая тишину осеннего утра. Не та монотонная трель учебной тревоги, к которой все привыкли и которую порой даже не замечали, а резкий, надрывный звук, от которого по коже пробежали ледяные мурашки.

Он рывком сел на кровати, сердце застучало чаще. Взгляд метнулся к коммуникатору на тумбочке: экран мигал тревожным красным, буквы скакали, будто в панике:

«Воздушная тревога. Всем гражданам немедленно проследовать в укрытия».

За окном царила странная, почти нереальная картина. С одной стороны, в дымке октябрьского утра, высились силуэты высотных зданий мегаполиса — серые монолиты, пронзающие серое небо. С другой — раскинулась осенняя благодать: золотые и багряные леса, поля, покрытые россыпью опавших листьев, тёмные полосы тропинок, убегающих к горизонту. Природа готовилась к зиме, но ещё хранила остатки былой красоты.

Ярослав вскочил, машинально натянул свитер и джинсы. В голове крутились обрывки мыслей: «Что происходит? Почему тревога? Давно не было... ничего серьёзного».

Он бросился к окну. Внизу, на улицах пригорода, уже кипела жизнь — если это можно было назвать жизнью. Люди

выбегали из домов, некоторые с сумками, другие — с пустыми руками, в домашней одежде. Кто-то кричал, кто-то молча бежал, дети цеплялись за руки родителей.

Воздух наполнился новыми звуками: гулом двигателей, сигналами машин, далёким эхом ещё одной сирены — уже с другой стороны. Листья, сорванные порывом ветра, кружились в безумном танце, будто подхваченные общей паникой.

Ярослав схватил куртку и коммуникатор. Экран всё ещё мигал сообщением, теперь с дополнением:

«Угроза ракетного удара. Повторяю: угроза ракетного удара. Всем гражданам...».

Он замер на мгновение, вглядываясь в пейзаж за окном. Контраст был пугающим: с одной стороны — мирная осенняя идиллия, с другой — нарастающая волна тревоги и хаоса. Где-то вдалеке, за лесом, послышался глухой раскат, от которого слегка дрогнула земля.

«Надо действовать», — твёрдо сказал себе Ярослав. Он последний раз оглядел комнату, будто запоминая её такой — тихой, уютной, ещё не тронутой войной. Затем повернулся и вышел в коридор, готовый спуститься вниз и найти укрытие — или, если потребуется, найти способ защитить тех, кто рядом.

Ярослав выбежал в коридор и замер у окна. Картина за стеклом заставила сердце сжаться.

По улице метались люди — кто-то в домашней одежде, кто-то успел накинуть куртку или пальто. Семьи с детьми,

старики, молодые пары — все двигались в разных направлениях, охваченные паникой. Несколько человек бежали в сторону метро, их силуэты мелькали между деревьями парка, а кто-то сворачивал к старым домам с высокими подвалами — видимо, надеясь найти там укрытие.

Воздух наполнился криками, плачем, отрывочными фразами:

— Сюда, сюда, за мной! — Быстрее, быстрее! — Держись за руку, не отпускай!

Машины экстренных служб пронеслись по дороге с ревом сирен — красные пожарные, белые с синей полосой «скорые», тёмные фургоны гражданской обороны. Они мчались в разных направлениях, мигали проблесковыми маячками, и каждый новый звук сирены заставлял прохожих вздрагивать и ускорять шаг.

Ярослав прижался лбом к холодному стеклу. Он заметил женщину с коляской — та пыталась перебежать дорогу, но поток людей мешал ей. Рядом мужчина тащил на плечах пожилую женщину, что-то ей шептал, успокаивал. Двое подростков бежали, держась за руки, — лица бледные, глаза, расширенные от страха.

Вдалеке, за поворотом улицы, раздался резкий хлопок — не взрыв, но что-то похожее. Толпа впереди сжалась, потом рванулась в стороны, создавая затор. Кто-то упал, его тут же подняли и потянули за собой.

Ветер подхватил ворох опавших листьев — жёлтых, крас-

ных, бурых — и закружил их в безумном вихре, будто сама осень пыталась унести людей подальше от опасности.

Ярослав отпрянул от окна. В груди тяжело билось сердце, в висках стучала кровь. Он сжал кулаки, пытаясь собраться с мыслями. Паника заразительна, но сейчас важнее всего — действовать разумно. Нужно было решить, куда идти, что делать дальше, как найти безопасное место в этом внезапно сошедшем с ума мире.

Он последний раз бросил взгляд в окно — люди всё бежали, машины всё мчались, а небо над городом, ещё недавно такое спокойное, теперь казалось тяжёлым и угрожающим — и решительно направился к лестнице.

Ярослав рванул по улице, лавируя между бегущими людьми. Он держал курс на старый торговый центр — там, в подвале, должно было быть надёжное укрытие. Но уже на подходе к перекрёстку он замер, сглотнув ком в горле: путь был полностью перекрыт.

Посреди дороги, на боку, лежал городской автобус — его опрокинуло ударной волной или резким манёвром. Искорёженный металл, разбитые стёкла, дым, идущий из-под корпуса. Рядом, в нескольких метрах, пылала легковушка: огонь уже охватил капот и салон, языки пламени лизали осенний асфальт, а едкий чёрный дым поднимался в небо, смешиваясь с холодным воздухом.

Ярослав на мгновение застыл, оценивая обстановку. Вокруг царил хаос. Люди метались, не зная, куда бежать. Кто-то

пытался обойти препятствие слева — там образовалась давка у забора частного дома. Другие бросались вправо, к переулку, но и там уже скопилась толпа.

В этот момент донёсся новый звук — глухой, раскатистый грохот где-то на окраине города. Ярослав инстинктивно поднял голову: вдалеке, за лесом, в небо поднялся столб дыма. Через несколько секунд — ещё один взрыв, ближе. Земля едва заметно дрогнула под ногами.

— Бегите! — закричал кто-то рядом. — Они приближаются!

Люди бросались врассыпную. Мать схватила на руки маленького ребёнка и бросилась к подъезду ближайшего дома. Двое мужчин пытались перевернуть автобус, чтобы вытащить тех, кто мог остаться внутри. Пожилая женщина, потеряв сумку, стояла посреди улицы и плакала, не понимая, куда идти.

Возле горящей машины валялся водитель — он пытался отползти, но нога, видимо, была сломана. Ярослав сделал шаг вперёд, но его дёрнули за рукав:

— Не лезь! — крикнул незнакомый парень в куртке с капюшоном. — Сейчас ещё что-нибудь рванет!

— Но там человек... — начал Ярослав.

— Сам не справишься! — перебил тот. — Тут всем конец придёт, если стоять будем!

Новый взрыв прогремел совсем близко — где-то за жилыми кварталами. Ударная волна докатилась до перекрёстка,

заставив людей пригнуться. Стекла в окнах ближайших домов задрожали, некоторые посыпались вниз, звеня осколками. Дети плакали, взрослые кричали, кто-то молился вслух.

Ярослав огляделся, ища другой путь. Слева — забор и деревья, справа — узкий переулочек, ведущий к старой котельной. Там, кажется, был вход в подземные коммуникации. Не самое надёжное укрытие, но лучше, чем оставаться на открытой улице.

Он сделал глубокий вдох, стараясь унять дрожь в руках. Страх был, но паника — враг. Нужно было действовать быстро, чётко, без суеты. Ярослав пригнулся, стараясь держаться ближе к стенам домов, и двинулся к переулку. В голове билась одна мысль: «Главное — не останавливаться. Главное — найти укрытие и понять, что происходит».

Позади снова грохнуло, и в небо взметнулось новое облако дыма. Ярослав ускорил шаг, почти переходя на бег. Впереди ждал узкий проход между домами — его шанс на спасение.

Грохот раздался внезапно — оглушительный, разрывающий воздух. Взрыв прогремел в квартале от них: Ярослав почувствовал, как земля дрогнула под ногами, а следом пришла ударная волна.

С жутким звоном вылетели стёкла из окон ближайших зданий — осколки посыпались вниз, сверкая на осеннем солнце. По улице прокатился шквал: он сорвал с деревьев последние листья, подхватил обрывки газет, куски пластика

и мелкие обломки.

Ярослав среагировал мгновенно. Он увидел рядом женщину с двумя детьми — мальчиком лет семи и девочкой помладше. Они замерли на месте, широко раскрыв глаза от ужаса, не понимая, куда бежать.

Не раздумывая, Ярослав бросился к ним, обхватил всех троих и резко пригнул к земле, закрывая собой. Они упали на асфальт, и в тот же миг над ними пронёсся шквал осколков и мелких предметов.

— Лежите, не поднимайтесь! — крикнул он, стараясь перекрыть грохот и крики вокруг.

Вокруг царил хаос. В воздухе висела густая пелена пыли и дыма. Где-то рядом стонал раненый — Ярослав мельком увидел мужчину, прижатого к стене обломком бетонной плиты. Чуть дальше женщина пыталась оттащить от горящей машины искорёженный велосипед, её руки были в крови.

Запах гари смешивался с чем-то едким, химическим — будто горело не просто топливо, а что-то более опасное. Дым щипал глаза, затруднял дыхание.

Мальчик, которого Ярослав прикрывал, тихо заплакал, вцепившись в рукав его куртки. Девочка, помладше, замерла, прижавшись к матери, её губы дрожали.

— Всё будет хорошо, — тихо, но твёрдо сказал Ярослав, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Главное — не паникуйте. Сейчас мы аккуратно осмотримся и решим, куда двигаться.

Он осторожно приподнял голову, оценивая обстановку. Фасад дома напротив был частично разрушен — зияла дыра на месте оконного проёма, с карниза свисали оборванные провода. На дороге валялись обломки кирпичей, куски металла, перевёрнутый киоск. Несколько машин загорелись, от них шёл густой чёрный дым.

Люди начали подниматься, кто-то звал на помощь, другие пытались помочь раненым. Повсюду были разбросаны вещи: сумки, зонты, детская игрушка — плюшевый медведь, наполовину обгоревший.

Женщина, которую он спас, подняла глаза на Ярослава. Её лицо было в царапинах, но она старалась держаться ради детей.

— Спасибо, — прошептала она дрожащими губами. — Я... я не успела среагировать.

— Сейчас не время для благодарностей, — ответил Ярослав, помогая им подняться. — Нам нужно найти укрытие. Видите, то здание с уцелевшим подвалом? — он указал на старый склад в конце улицы. — Туда. Держитесь ближе ко мне и следите за землёй — остерегайтесь осколков.

Он взял девочку за руку, кивнул мальчику, чтобы тот держался рядом с матерью, и осторожно двинулся вперёд, внимательно глядя по сторонам — в любой момент мог последовать новый взрыв.

Ярослав огляделся, быстро оценивая обстановку. Взгляд зацепился за вывеску старого подземного паркинга в конце

улицы — массивные бетонные колонны у входа, тяжёлые ворота. «Там должны быть достаточно прочные перекрытия, — мелькнуло в голове. — Это наш лучший шанс».

— Идём к паркингу! — громко и чётко сказал он, поворачиваясь к женщине и детям. — Держитесь рядом, смотрите под ноги.

Он взял девочку за руку, кивнул мальчику, чтобы тот шёл рядом с матерью, и двинулся вперёд, выбирая путь вдоль стен домов — так было меньше риска попасть под обломки или летящие осколки.

Они успели преодолеть половину пути, когда новый грохот заставил всех замереть. Ярослав обернулся и похолодел: на противоположной стороне улицы рушился многоэтажный дом. Сначала треснула стена — вдоль фасада прошла огромная зияющая трещина. Затем верхние этажи начали оседать, проваливаясь внутрь себя, поднимая тучи пыли и обломков.

— Мама! — вскрикнула девочка, вцепившись в руку Ярослава.

Под завалами доносились крики — отчаянные, полные боли и ужаса. Кто-то звал на помощь, кто-то стонал, кто-то молил о спасении. Ярослав сжал зубы — он хотел броситься туда, помочь, но понимал: сейчас важнее спасти тех, кто рядом.

— Не смотрите туда, — тихо сказал он детям. — Идём дальше. Быстрее.

Они ускорили шаг, но тут женщина, шедшая позади, охнула и споткнулась. Ярослав обернулся: она схватилась за ногу, лицо исказилось от боли.

— Что случилось?

— Осколок... — прошептала она, опуская взгляд. Из-под её юбки, чуть выше колена, торчал кусок стекла. По ткани уже расплзлось тёмное пятно крови. — Я не заметила...

Ярослав быстро оценил ситуацию. Оставлять её здесь нельзя — слишком опасно. Возвращаться назад бессмысленно: помощи ждать неоткуда.

— Держитесь за мной, — сказал он мальчику. — Обхвати маму за плечи, помогай ей идти.

Ярослав подошёл к женщине, подхватил её под руку с другой стороны.

— Опирайтесь на меня. Мы почти на месте.

Она кивнула, сцепила зубы, стараясь не показывать боль. Мальчик, хоть и был напуган, проявил неожиданную стойкость: он крепко взял мать за руку и подставил плечо.

Они двинулись дальше — медленно, осторожно. Ярослав шёл впереди, высматривая опасные участки. По дороге попадались обломки, битый кирпич, оборванные провода. Один раз пришлось обойти горящую машину — дым ел глаза, но они упорно продвигались вперёд.

Наконец показались ворота паркинга. Они были частично открыты, но не заблокированы. Ярослав помог женщине опереться на стену, быстро осмотрелся.

— Всё, почти пришли, — ободрил он. — Сейчас я проверю вход, а потом помогу вам спуститься. Там будет безопасно.

Он сделал шаг к воротам, прислушиваясь к звукам вокруг. Где-то вдали снова грохнуло, но здесь, у массивных бетонных стен, казалось чуть спокойнее. Ярослав глубоко вдохнул, выдохнул и обернулся к своим спутникам:

— Держитесь. Мы справимся.

Ярослав с трудом пробирался к воротам паркинга, поддерживая женщину с детьми. Впереди уже виднелся тёмный проём входа — казалось, спасение так близко. Но у самого порога всё застопорилось: там началась давка.

— Там места хватит всем, не толкайтесь! Люди толпились, напирали друг на друга, пытаясь протиснуться внутрь. Кто-то кричал: — Пропустите ребёнка! — Я первый пришёл, дайте пройти!

Ярослав попытался протолкнуться вперёд, но поток людей оттеснил их в сторону. Женщина с раненой ногой едва держалась на ногах, мальчик вцепился в её рукав, а девочка снова заплакала.

— Спокойно, — громко и твёрдо сказал Ярослав, стараясь перекрыть шум. — Держитесь за мной, я найду другой вход!

Он начал осторожно отступать в сторону, выискивая взглядом запасной проход или служебный люк. В этот момент всё вокруг взорвалось.

Новый взрыв прогремел совсем близко — кажется, где-то

за углом здания, в сотне метров от паркинга. Ударная волна швырнула Ярослава в сторону: он ударился плечом о бетонную колонну, на мгновение потерял ориентацию. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли тёмные пятна.

Когда он пришёл в себя, картина вокруг изменилась до неузнаваемости. Воздух наполнился пылью и дымом, куски штукатурки и мелкие обломки сыпались сверху. Люди кричали, метались, кто-то звал на помощь.

— Женщина! Дети! — закричал он. — Где вы? Ярослав резко поднялся, оглядываясь по сторонам. Но его голос тонул в общем фоне: вопли, стоны, чьи-то команды, плач. Он сделал несколько шагов, вглядываясь в толпу, но нигде не видел знакомых лиц.

— Марина! — снова крикнул он, вспомнив, как женщина представилась по пути. — Аня, отзовитесь!

Никто не ответил. Среди хаоса мелькали похожие силуэты — женщина с ребёнком на руках, девочка в красной куртке, — но это были не они.

— Вы не видели женщину с двумя детьми? — спрашивал он то одного, то другого. — Женщина, ранена в ногу, мальчик лет семи, девочка помладше... Ярослав бросился к входу в паркинг, протискиваясь между людьми.

— Тут все раненые! Пропустите, у меня ребёнок задыхается! Кто-то мотал головой, кто-то отмахивался, кто-то кричал в ответ:

Он остановился, пытаясь взять себя в руки. Паника —

плохой помощник. Нужно мыслить ясно.

«Куда они могли деться? — лихорадочно соображал Ярослав. — После взрыва их тоже могло отбросить в сторону. Или они успели проскочить внутрь, пока я лежал».

Он огляделся, прикидывая варианты. Слева — грудa обломков, под которыми могли оказаться люди. Справа — узкий проход между стеной паркинга и соседним зданием. А прямо перед ним — вход, куда всё ещё протискивались уцелевшие.

— Марина! Дети! — в последний раз громко позвал он, вслушиваясь в каждый звук. — Отзовитесь! Я здесь, я вас найду! Ярослав стиснул кулаки. Нельзя терять ни секунды.

Не дождавшись ответа, он принял решение. Сначала — проверить проход справа: там меньше народу, и, если они упали или спрятались, есть шанс их обнаружить. Ярослав глубоко вдохнул, выдохнул и решительно шагнул в узкий проулок, внимательно вглядываясь в каждый угол и прислушиваясь к каждому стону или всхлипу.

Ярослав, с трудом проталкиваясь сквозь толпу, вдруг замер — его взгляд зацепился за трещину, расползающуюся по фасаду здания рядом с паркингом. Стена пошла зигзагом, сверху посыпались кирпичи и куски штукатурки.

— Осторожнее! — кто-то крикнул рядом.

Толпа, ещё секунду назад теснившаяся у входа, в панике отхлынула. Люди разбегались в разные стороны, кричали, толкались, спотыкались. Кто-то упал — его тут же подхвати-

ли под руки и потянули прочь.

Ярослав, вопреки всеобщему бегству, сделал шаг вперёд. Он не мог просто так уйти — там, под обломками, могли быть люди. Он бросился к нависающей глыбе бетона, уже готовой рухнуть, — хотел заглянуть под неё, проверить, нет ли кого поблизости. Но не успел сделать и пары шагов, как чья-то крепкая рука схватила его за плечо и дёрнула назад.

— Туда нельзя! Обрушение! — прогремел голос над ухом.

Ярослав обернулся. Перед ним стоял светловолосый мужчина лет сорока, весь в пыли и копоти. Его светлые волосы, перепачканные пеплом, слиплись и потемнели, лицо было в царапинах, рубашка порвана на плече. Глаза, однако, горели решимостью.

— Там опасно, — повторил мужчина, тяжело дыша. — Ещё секунда — и тебя бы накрыло.

— Но там могут быть люди! — возразил Ярослав, указывая на нависающие обломки. — Женщина с двумя детьми... Я потерял их из виду.

— Я видел, как они отошли к той стене, — быстро сказал мужчина. — С ними был парень в синей куртке — помог ей с ногой. Они не под завалом.

Ярослав почувствовал, как в груди отлегло.

— Ты уверен?

— Видел своими глазами, — кивнул мужчина. — Меня, кстати, Игорь зовут.

— Ярослав, — машинально ответил тот, всё ещё не сводя

взгляда с рушащегося здания.

Часть стены с грохотом обрушилась, подняв облако пыли. Люди вокруг отпрянули ещё дальше, кто-то закричал.

— Если они там, где ты говоришь, — нам нужно их найти, — Ярослав повернулся к Игорю. — Но сначала — обезопасить людей. Тут слишком много народу столпилось у входа, а здание может посыпаться дальше.

Игорь окинул взглядом толпу, оценил обстановку и кивнул:

— Согласен. Давай так: я соберу тех, кто может помочь, — отведём людей подальше, проверим, нет ли раненых. А ты проверь ту стену, о которой я говорил. Если найдёшь их — веди к нам. Встретимся у угла, возле пожарного щита.

Ярослав коротко кивнул:

— Договорились.

Он бросил последний взгляд на груды обломков — сердце всё ещё сжималось от тревоги, — и решительно направился туда, куда указал Игорь. В голове билась одна мысль: «Главное — успеть. Главное — найти их живыми».

Игорь тем временем уже громко и властно раздавал указания:

— Эй, вы двое! Помогите женщине — у неё рука, кажется, сломана. Остальные — отходим к забору, подальше от стен! Осматриваем всех, ищем раненых!

Ярослав ускорил шаг. Впереди, сквозь дым и пыль, он уже различал силуэты людей у стены — среди них была женщина

с перевязанной ногой и двое детей рядом. Он побежал к ним.

Небо внезапно озарилось ослепительной вспышкой — такой яркой, что на мгновение стало светло, как днём, несмотря на хмурые осенние тучи. Новый, более мощный взрыв прогремел, где-то в центре города. Ударная волна докатилась до Ярослава с запозданием — она швырнула его в сторону с такой силой, что он не успел даже выставить руки.

Затылком он жёстко ударился о бетонный столб. В голове вспыхнула острая боль, перед глазами заплескали разноцветные круги. Мир начал стремительно темнеть, словно кто-то медленно поворачивал регулятор яркости, убавляя свет до минимума. Звуки отдалялись: крики людей, грохот разрушений, вой сирен — всё сливалось в глухой, монотонный гул, который постепенно затихал.

Ярослав попытался подняться, но тело не слушалось. Он упал на колени, опираясь рукой о землю, и поднял взгляд к небу. И то, что он увидел, заставило его замереть в оцепенении.

В воздухе, на высоте нескольких десятков метров, парили странные объекты — приплюснутые шары диаметром около двух метров. Они не были похожи ни на что знакомое: гладкая металлическая поверхность отливала тусклым серебристым блеском, на корпусе виднелись какие-то символы или узоры, напоминающие руны. Шары двигались синхронно, плавно меняя положение, будто сканируя местность.

Один из них замер над рухнувшим зданием и выпустил

тонкий огненный луч — тот с лёгкостью прорезал бетон, вызывая новый взрыв и облако пыли. Другой шар метнулся в сторону улицы, выпустил серию коротких импульсов — несколько машин вспыхнули, как факелы. Третий завис над толпой людей, замер на секунду, будто выбирая цель...

Ярослав с трудом сфокусировал взгляд. В животе похолодело от ужаса: он понял, что это не просто оружие, а нечто куда более осмысленное, почти разумное. Шары действовали целенаправленно, методично уничтожая всё вокруг — не хаотично, а по какому-то плану.

Он попытался крикнуть, предупредить людей, но голос пропал. Язык не слушался, губы едва шевелились. В ушах зазвенело, зрение сузилось до маленькой светлой точки в центре темноты.

Последнее, что он успел заметить, — один из шаров резко развернулся в его сторону. На мгновение показалось, что тот смотрит прямо на него, изучает, оценивает... А потом — вспышка, ещё ярче предыдущей, ослепительный свет, пронзающий сознание.

Мир окончательно погрузился во тьму. Звуки исчезли. Тело обмякло, рука безвольно соскользнула с земли. Ярослав потерял сознание, рухнув на асфальт среди обломков, пыли и хаоса разрушенного города.

Вокруг продолжали парить металлические шары — безмолвные, неумолимые, методично выполняющие свою задачу. А над городом, затянутым дымом и пеплом, повисла зло-

вещая тишина, прерываемая лишь редкими взрывами и сто-
нами уцелевших.

Пробуждение в неизвестности

Ярослав медленно открыл глаза. В первую секунду он не понял, где находится. Вместо дыма, обломков и грохота разрушений — абсолютная тишина и ровный мягкий свет.

Он лежал на чём-то упругом и гладком, будто на толстом слое пены, покрытом тонкой тканью. Вокруг — стерильные белые стены, идеально ровные, без единого изъяна, царапины или тени. Ни трещин, ни проводов, ни розеток — ничего, что могло бы подсказать, где он и как сюда попал.

Ярослав попытался сесть — тело отозвалось тупой болью в затылке, но в остальном казалось целым. Он провёл рукой по поверхности под собой: гладкая, упругая, почти живая на ощупь. Взгляд скользнул по пространству — помещение небольшое, квадратное, без окон. Единственная дверь — гладкая, белая, без ручки, замочной скважины или каких-либо обозначений.

«Где я?» — мысль прозвучала в голове глухо, будто сквозь вату.

Он поднялся на ноги, покачнулся, но устоял. Сделав шаг к стене, провёл по ней пальцами — холодная, гладкая, словно покрытая слоем глянцевой эмали. Ни единого шва, ни намёка на стык панелей. Всё слишком... идеально.

«Кто я?»

Этот вопрос ударил неожиданно, почти физически. Яро-

слав замер, пытаясь вспомнить. Имя... да, его зовут Ярослав. Но что дальше? Семья? Работа? Город, в котором он жил? Воспоминания рассыпались, как песок сквозь пальцы. Перед глазами мелькали обрывки: взрыв, крики, женщина с детьми, светловолосый Игорь... Но всё это было словно в тумане, неуловимо, будто чужой сон.

Он резко обернулся к двери, будто ожидал, что она сейчас откроется сама. Но та оставалась неподвижной, безликой, пугающе совершенной.

«Что произошло?»

В памяти вспыхнула яркая вспышка, летающие шары, огненные лучи... Но теперь это казалось нереальным, фантазмагорией. Может, он ранен? В бреду? Или всё ещё лежит, где-то под обломками, а это — предсмертное видение?

Ярослав сделал несколько шагов по комнате, пытаясь справиться с мыслями. Дыхание участилось. Что-то было не так. Не просто «странно» — а опасно. Интуиция кричала об этом, будто внутренний голос шептал: «Будь начеку. Здесь всё не то, чем кажется».

Почему?

Стены слишком ровные. Свет слишком ровный. Тишина слишком полная — ни гула вентиляции, ни шороха, ни эха собственных шагов. Даже дыхания почти не слышно.

Он подошёл к двери и постучал. Звук получился глухим, будто ударял не по твёрдой поверхности, а по слою ваты. Ни эха, ни отдачи.

— Есть кто-нибудь? — голос прозвучал хрипло, неуверенно.

Ответа не последовало.

Ярослав прижался лбом к гладкой поверхности двери. В голове крутились вопросы, один страшнее другого: «Где я? Кто меня сюда привёл? Почему я ничего не помню, кроме обрывков хаоса? И почему это безупречное, стерильное пространство вызывает такой неконтролируемый страх?»

Интуиция не обманывала: за этой идеальной чистотой скрывалась безукоризненная, расчётливая опасность. Что-то здесь контролировало всё — даже его память, даже его дыхание. И чтобы выжить, ему нужно было понять правила этого нового мира... прежде чем кто-то решит, что он здесь лишний.

Он отступил на шаг, оглядел комнату ещё раз — теперь уже не как растерянная жертва, а как человек, готовый искать ответы. Он поднялся на ноги и сделал несколько шагов по комнате. Шаги не издавали звука, будто пол поглощал любые вибрации. Ярослав подошёл к стене и провёл по ней пальцами — поверхность была холодной, гладкой, почти неестественно совершенной.

— Ладно, — тихо произнёс Ярослав. — Разберёмся.

В этот момент дверь бесшумно отъехала в сторону. Ярослав инстинктивно отступил на шаг. В проёме появились два роботизированных существа. Они выглядели как люди, но что-то в них сразу насторожило Ярослава. Одинаковый рост

— около 180 см, схожие черты лица, абсолютно нейтральные выражения. Одежда — простые серые комбинезоны без опознавательных знаков. Движения плавные, почти механические, без естественных человеческих микро пауз.

«Вы пришли в себя», — произнёс первый ровным, бесстрастным голосом. Его губы двигались чётко в такт словам, без естественных для человека микро задержек. — Это хорошо. Вы в безопасности.

Ярослав сглотнул, пытаясь унять нарастающее беспокойство. Что-то в этой фразе, в самой манере её произнесения казалось неправильным.

— Где я? — спросил он, стараясь говорить твёрдо.

— Вы находитесь в учреждении АО «Заслон», — ответил второй сотрудник. Он сделал шаг вперёд — движение было настолько плавным, что напоминало скольжение. — Ваше состояние стабилизировано. Всё будет хорошо.

Ярослав невольно отступил на шаг.

— Что случилось до того, как я здесь оказался? Я помню взрывы, людей...

Первый сотрудник слегка наклонил голову — жест, который мог бы выглядеть сочувственным, если бы не абсолютная неподвижность его лица.

— Ваша память восстановится постепенно, — произнёс он. — Сейчас важно ваше физическое состояние. Вы получили травму головы, но серьёзных повреждений нет.

Ярослав ощутил укол раздражения. Ответы были слиш-

ком шаблонными, слишком... идеальными.

— Кто вы такие? — напрямик спросил он.

— Мы сотрудники учреждения, — ответил второй. Его взгляд был направлен прямо на Ярослава, но в нём не было ни интереса, ни эмоций — только холодная внимательность. — Наша задача — обеспечить вашу безопасность и комфорт. Пожалуйста, следуйте за нами. Мы проведём первичный осмотр и поможем вам освоиться.

Они двинулись вперёд — не предлагая, а констатируя факт. Ярослав невольно отступил к стене. Что-то в их поведении вызывало безотчётный страх: безупречная синхронность движений, отсутствие мимики, ровный тон голоса, в котором не было ни теплоты, ни враждебности — только функция.

— Пойдите, — он поднял руку. — Я не пойду никуда, пока не получу ответы. Что это за место? Почему всё такое... идеальное?

Оба остановились, повернулись к нему. На мгновение повисла пауза — слишком долгая для естественного человеческого общения. Затем первый произнёс:

— Идеальность — залог безопасности. Здесь нет места хаосу. Вы скоро это поймёте.

— Соппротивление бессмысленно. Ваше благополучие — наш приоритет. Идёмте. Второй добавил:

Их голоса звучали одинаково — ни тембровых различий, ни интонационных нюансов. Будто два динамика воспроиз-

водили одну и ту же запись. Ярослав почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он огляделся в поисках чего-нибудь, что могло бы помочь, но комната была абсолютно пустой. Дверь за спинами сотрудников закрылась с тихим шипением, отрезая путь к отступлению.

«Роботы, — мелькнуло в голове. — Или что-то ещё хуже». Он сделал глубокий вдох, стараясь унять дрожь в руках. — Хорошо, — медленно произнёс он, стараясь говорить спокойно. — Покажите, что здесь происходит.

Сотрудники синхронно кивнули.

— Мудрое решение, — сказал первый. — Ваша адаптация начнётся сейчас.

Они развернулись и направились к выходу. Ярослав последовал за ними, внимательно наблюдая за их движениями. Каждый шаг, каждый поворот головы казались отрепетированными. В груди нарастало ощущение ловушки — но пока он не понимал, как из неё выбраться.

Коридор за дверью был таким же стерильным: белые стены, ровный свет, ни единого предмета декора. Вдалеке виднелись другие двери, такие же безликие, как и та, из которой он вышел. Где-то далеко слышался ровный гул — не вентиляции, а чего-то иного, размеренного и неумолимого.

Ярослав сжал кулаки, стараясь запомнить каждую деталь. Он не знал, что это за место и какие правила здесь действуют. Но одно он понял точно: чтобы выжить и вернуть память, ему придётся играть по этим правилам — пока не найдёт

способ их сломать.

Ярослав шёл следом за двумя сотрудниками, стараясь незаметно осматриваться. Его шаги эхом не отдавались — пол будто поглощал звук. Коридор был длинным, прямым, с идеально гладкими стенами молочного цвета. Никаких украшений, надписей, табличек — только изредка встречались едва заметные стыки панелей, да небольшие круглые отверстия у потолка, напоминающие вентиляцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.